А. В. Островский

«Пьяная деревня»: домыслы и факты

В ходе недавней дискуссии на страницах электронного альманаха «Клиодинамика» о причинах русской революции[1], для многих совершенно неожиданно возник вопрос о пьянстве в дореволюционной России. Обращаясь к своим оппонентам, один из участников этой дискуссии, М. А. Давыдов выразил удивление: «Как можно анализировать питание населения России, прежде всего крестьян, умалчивая о сотнях миллионов рублей, которые пропивали крестьяне даже в голодные годы»[2].

О пьянстве в дореволюционной России современниками написано много[3]. Со страниц печати и с трибуны тогдашней Государственной думы его даже объявили «народным бедствием»[4]. Затем почти все, написанное до революции об этом явлении, было забыто[5]. И только сравнительно недавно интерес к данной проблеме начал возрождаться[6].

Однако обращение к ней М. А. Давыдова трудно назвать удачным. Заявляя о массовом пьянстве в дореволюционной российской деревне, М. А. Давыдов ненавязчиво проводит мысль, что крестьяне пили если не круглый год, то по крайне мере большую часть времени. В доказательство он без всяких комментариев приводит заявление одного из современников той эпохи, будто бы крестьяне праздновали «200 дней в году, да притом по преимуществу летом»[7].

Между тем этому заявлению можно противопоставить много совершенно иных свидетельств. Так, некоторые члены местных комитетов Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности считали мнение «о чуть ли не повальном алкоголизме сельского населения» «весьма преувеличенным и ничем не обоснованным»[8]. А вот мнение другого современника: «Почти все писавшие об этом вопросе, — отмечал в 1892 г. автор специальной публикации о пьянстве в Черниговской губернии Р. Н. Рума, — сходятся во взглядах на редкое потребление вина представителями народа»[9].

Островский Александр Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций (Санкт-Петербург)

Признавая важность подобного рода свидетельств, следует, однако, отметить, что для решения данного вопроса их недостаточно. И если, несмотря на это, М. А. Давыдов придает подобным доказательствам особое значение, то, видимо, потому, что находится под гипнозом «открытия», сделанного Б. Н. Мироновым, «открытия», согласно которому, после отмены крепостного права в России количество празднично-выходных дней в деревне увеличилось с 95 в 1850-е гг. до 105 — к 1872 г. и 123 к 1902 г.[10] Прибавляя к ним нерабочие будничные дни, Б. Н. Миронов утверждает, что количество рабочих дней в пореформенной деревне сократилось со 135 дней в 1850-е гг. до 125 в 1872 г. и 107 — в 1902 г.[11] Причем, по словам того же автора, «каждый праздник сопровождался значительным употреблением алкоголя»[12].

Мною уже показано, что приводимые Б. Н. Мироновым на этот счет цифры лишены основания[13]. Достаточно, например, отметить, что для определения исходной цифры — 135 рабочих дней—он использовал случайные сведения только по трем губерниям[14].

Отвечая на мою статью, Б. Н. Миронов оставил приведенные в ней аргументы без возражений[15], а его новые аргументы оказались столь же неубедительными, как прежние[16]. Фактически он признал это сам, заявив в своей ответной статье, что в начале XX в. количество рабочих дней «не превышало 50 %»[17], то есть составляло не 107 дней, как он утверждал до этого, а приближалось к 182.

Одним из источников для решения данного вопроса являются материалы бюджетных обследований. В качестве примера можно привести сведения по Вологодскому уезду.

Согласно этим сведениям, относящимся к 136 обследованным хозяйствам, при учете 82 выходных дней (52 воскресенья и 30 праздничных дня) общий бюджет рабочего времени составлял 112,4 тыс. рабочих дней. Из них было использовано в земледелии 27,2 тыс., в животноводстве — 8,7 тыс., в домашнем хозяйстве — 22,8 тыс., в промыслах — 26,3 тыс., кроме того, 6,3 тыс. дней было потеряно из-за болезней и по другим уважительным причинам, итого 91,4 тыс. Избыток 21 тыс. дней или 18,7 % всего рабочего времени (53 календарных дня). Вот то время, которое вологодский крестьянин имел возможность использовать для отдыха и праздников сверх официально положенных. Но тогда мы получаем максимум 135 нерабочих дней и 230 — рабочих. Результат прямо противоположный тому, что утверждают Б. Н. Миронов и М. А. Давыдов. Для справки, сейчас у нас 118 нерабочих дней[18].

Проделавший специальное анкетное исследование пьянства во Владимирской губернии В. А. Черневский установил, что здесь в начале XX в. «пьянствовали» «главным образом в осенние праздники и во время свадеб»[19]. Согласно этим данным, 33 % опрошенных пили только по праздникам, 18 % — при продаже сельскохозяйственных продуктов (обмывание), 10 % — на свадьбах и других семейных праздниках, 8 % по возвращении домой после заработков, 7 % — во время сходов и общественных работ, 6 % во время базарных и ярмарочных

дней, 3 % — при заключении сделок, 6 % — в день получки, 7 % — во время сельскохозяйственных работ и 2 % — на заработках[20].

При этом В. А. Черневский отмечал, что «пьянство больше происходит с сентября по январь»[21], то есть не в разгар, а по окончании полевой страды. Что же касается страды, то в нашем распоряжении имеются свидетельства современников, что летом, когда это требовалось, крестьяне работали даже по воскресеньям[22].

Автор специальной работы о винной монополии В. Норов писал: «Крестьянин пьет, конечно, не каждый день, а только в праздники, при поездках в город, по случаю разных торжественных и выдающихся событий в крестьянской жизни». Допуская, что таких дней может набегать за год до 70, он отмечал: «В действительности эта цифра, вероятно, значительно ниже»[23].

Таблица 1. Рекомендуемые нормы потребления алкоголя

Страна	В день (г)			В неделю (г)	В год (л)	
	Муж.	Жен.	В средн.		Спирт	Водка
Австралия	40	20	30	210	10,9	27,2
Австрия	24	24	24	168	8,7	21,8
Канада	27	27	27	156	8,1	20,2
Чехия	24	16	20	140	7,3	18,2
Швеция	20	20	20	140	7,3	18,2
Франция	20	20	20	140	7,3	18,2
Италия	30	18	24	168	8,7	21,8
Япония	30	–	15	105	5,5	13,8
ЮАР	–	–	–	210	10,9	27,2
Испания	30	30	30	210	10,9	27,2
Великобритания	28	20	24	140	7,3	18,2
США	21	14	17	147	7,6	19,0

Источник: Международные рекомендуемые нормы в отношении потребления алкоголя // Отчет ICAP (International Center for Alcohol Policies). 2003. N 14.

Обращаясь к проблеме «повального пьянства» в деревне и опираясь на свои собственные наблюдения о потреблении пива в Новгородской, Н. Тизенгаузен пришел к выводу, что оно имеет место «не менее 20 дней» в году: «считая масленицу, Святую [неделю], Рождество, свадьбы, храмовые праздники у себя и у соседей, продолжающиеся всегда не менее трех дней, а часто и более, наконец, время помочей при полевых работах»[24]. Даже если мы увеличим приведенную цифру в два раза, то получим всего лишь около 40 дней в году.

Много ли пили в России начала XX в.? Разные авторы дают на этот вопрос разный ответ. Б. Н. Миронов на 1913 г. называет 9,7 литров водки на человека в год[25], на 1906–1910 гг. — 8,6 л[26]. А. М. Анфимов — 6,8 л [27], В. К. Дмитриев — 2,65 л спирта или же 6,6 л водки[28]. Оставляя в стороне вопрос о причинах подобных расхождений, обратимся к источникам, важнейшим из которых в этом отношении является «Статистика по казенной продаже питей». Из ее материалов явствует, что потребление водки в 1912 г. в границах Российской империи составляло 0,62 ведра или же 7,6 л[29].

Много это или мало? Для ответа на этот вопрос обратимся к международным нормам допустимого употребления алкоголя (см. таблицу 1).

Учитывая, что приведенные показатели касаются только взрослого населения, для получения среднедушевых норм необходимо разделить эти показатели примерно на два. Тогда мы получим колебания от 6,8 (Япония) до 13,6 (Австралия и ЮАР) литров водки в год на человека.

С этой точки зрения потребление алкоголя в дореволюционной России следует признать не выходящим за рамки допустимых норм.

А как тогда пили в других странах?

«...По потреблению алкоголя на душу населения, — пишет М. А. Давыдов, — Россия отнюдь не была в числе европейских лидеров»[30]. Сказано дипломатично. Современники на этот счет выражались более категорично: «В ряду международных держав по абсолютному потреблению алкоголя Россия занимает одно из последних мест, уступая только Норвегии»[31].

И действительно, если отвлечься от курьезных фактов и обратиться к цифрам, мы увидим, что в потреблении алкоголя дореволюционная Россия отставала от США в 2 раза, от Австро-Венгрии в 3 раза, от Швейцарии в 4 раза, от Бельгии почти в 5 раз, а от Франции более чем в 6 раз (см. таблицу 2).

Дореволюционная Россия не была в числе европейских лидеров даже по потреблению водки.

Почему же в дореволюционной России проблема пьянства приобрела такую остроту, что была объявлена «народным бедствием»? Причин здесь много. В данном случае можно назвать три.

Во-первых, если бы русский человек пил регулярно и 7–8 л приходилось на 365 дней, в день это составляло бы немногим более 20 г на человека. Однако в России пили по принципу: редко да метко.

Таблица 2. Потребление алкогольных напитков (в литрах абсолютного алкоголя)

Страна	Всего	В том числе		
		Пиво	Вино	Водка
Франция	19,04	1,05	13,95	4,04
Бельгия	12,58	7,80	0,48	4,90
Италия	12,51	0,03	11,83	0,65
Швейцария	11,73	2,16	6,77	2,80
Дания	10,92	3,67	0,00	7,25
Англия	10,63	8,11	0,25	2,27
Германия	9,13	4,26	0,61	4,26
Австро-Венгрия	8,59	1,57	2,02	5,00
Швеция	5,28	1,58	0,00	3,70
США	5,61	2,88	0,25	2,48
Россия	2,80	0,15	0,00	2,65

Источник: Дмитриев В. К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. СПб., 1911. С. 283.

«Все самые подробные исследования и наблюдения над жизнью крестьянского народа говорят нам, что собственно народ наш не пьет, а пьянствует. Очень часто проходят целые недели, и ни один член крестьянской семьи не выпьет ни чарки, но выдается какой-либо случай, приход праздника, свадьба, поездка хозяина в город, и тот же крестьянин как бы в награду за свое воздержание пропивает свои последние сапоги. Таков общий и повсеместный характер нашего потребления»[32].

Во-вторых, необходимо учитывать территориальное распространение пьянства. Если среднее потребление водки в 1913 г. составляло 0,66 ведра, то в Дагестанской области этот

показатель опускался до 0,1 ведра, а в Петербургской поднимался до 1,6 [33]. Перепад более чем в 15 раз. Причем наиболее пьющими были наиболее развитые в промышленном, торговом и культурном отношении губернии, положение в которых, по всей видимости, проецировалось некоторыми современниками на всю Россию.

В-третьих, не следует забывать, что дореволюционная Россия была намного беднее других европейских стран. Поэтому расходы на спиртные напитки ощущались у нас гораздо острее, чем в ведущих странах Западной Европы.

Какова была динамика этого явления? Увлеченный «курьезами», М. А. Давыдов обходит этот вопрос стороной. Б. Н. Миронов утверждает, что «с 1863 по 1906–1910 гг. общее душевое потребления алкоголя в 50 губерниях Европейской России уменьшилось на 16 %»[34]. Тем самым он признает, что в пореформенную эпоху масштабы пьянства как «народного бедствия» не расширялись, а пусть и медленно, но сокращались.

«По приблизительным оценкам, — пишет он, — потребление купленной водки составляло в середине XVIII в. 5 л, в 1790-е гг. — 12,3 л, в 1850 г. — 12,3 л, в 1900 — 6 л, в 1913 г. — 9,7 л»[35].

Согласно этим данным, потребление алкоголя росло главным образом во второй половине XVIII в., затем оно стабилизировалось, за вторую половину XIX в. сократилось почти в два раза, за 13 предвоенных лет снова увеличилось (на 60 %), а в целом к началу Первой мировой войны по сравнению с серединой XIX в. снизилось примерно на 20 %.

Кроме этого, в книге Б. Н. Миронова содержится таблица «Цены, потребление и расходы населения на водку в России в 1850–1910 гг.», в которой приводятся следующие данные о производстве водки: 1851–1860 — 0,88 ведра, 1863–1865 — 0,81 в., 1866–1870 — 0,84 в., 1871–1875 — 0,89 в., 1876–1880 — 0,82 в., 1881–1885 — 0,78 в., 1886–1890 — 0,70 в., 1891–1895 — 0,61 в., 1896–1900 — 0,62 в., 1901–1905 — 0,59 в., 1906–1910 — 0,70 в.[36]

Согласно этим данным, динамика производства спиртных напитков в 1851–1910 гг. имела волнообразный характер. Если в 1863–1865 гг. оно немного сократилось, то в 1866–1875 гг. снова увеличилось и даже несколько превысило дореформенный уровень, затем опять началось снижение, продолжавшееся до 1901–1905 гг., в 1906–1910 гг. потребление спиртных напитков снова возросло, но оно осталось на 27 % ниже предреформенного уровня.

Таким образом, в одном случае Б. Н. Миронов утверждает, что потребление водки за пореформенный сократилось на 16 %, в другом случае — на 20 %, в третьем — на 27 %. Между тем в нашем распоряжении имеются данные Департамента неокладных сборов, обработанные Л. И. Дембо (1913 г.) и Н. О. Осиповым (1900). Б. Н. Миронов имел право произвести собственные подсчеты. Однако он обязан был, во-первых, объяснить, почему его не устраивают подсчеты его предшественников, а во-вторых, изложить методику своих

расчетов. Ни того, ни другого он не сделал. Между тем полученные им результаты существенно отличаются от того, что было известно до этого (см. таблицу 3).

Таблица 3. Потребление водки в России (ведро/ чел.)

Годы	Миронов	Осипов	Дембо
1863–1865	0,81	0,98	1,00
1866–1870	0,84	0,91	0,88
1871–1875	0,89	0,90	0,84
1876–1880	0,82	0,79	0,77
1881–1885	0,78	0,75	0,69
1886–1890	0,70	0,61	0,57
1891–1895	0,61	0,51	0,50
1896–1900	0,62	–	0,51
1901–1905	0,59	–	0,51
1906–1910	0,70	–	0,58

Источники: Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 556; Осипов Н. О. Исторический очерк взимания питейных сборов в России // Казенная продажа питей в России. СПб., 1900. Приложения. С. 77. (1863–1894); Дембо Л. И. Очерки деятельности Комитета по вопросу об алкоголизме за 15 лет. 1898–1913. СПб., 1913. С. 162. (1863–1909); Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1913 г. СПб., 1913. С. 673. (1910 г.)

Кому же верить? Для ответа на этот вопрос прежде всего следует учесть, что Н. О. Осипов возглавлял Статистический отдел Главного управления неокладных сборов и продажи казенных питей Министерства финансов, а Л. И. Дембо сделал свой расчет для такой организации, как Комитет по вопросу об алкоголизме. Но самое главное заключается в другом. Показатель производства, который использует Б. Н. Миронов, не может служить показателем потребления, так не учитывает потерь спирта, его экспорта, использования для технических целей, затоваривания и т. д.

Следовательно, из трех приведенных расчетов расчет Б. Н. Миронова следует признать наименее удачным. Более того, вызывает удивление, зачем потребовалось производить этот расчет, если по крайней мере публикация Н. О. Осипова Б. Н. Миронову была известна[37].

Между тем если, по данным Б. Н. Миронова, потребление водки с 1863 по 1910 г. снизилось на 0,11 ведра или же 14 %, то по данным Л. И. Дембо — на 0,42 ведра или же 42 %.

Это означает, что потребление водки сократилось не на 14 %, не на 16 %, не на 20 % и даже не на 27 %, а почти в полтора раза. Следовательно, Б. Н. Миронов занизил масштабы сокращения этого «народного бедствия» примерно в два-три раза.

Признавая, что после отмены крепостного права потребление спиртных напитков сократилось, в то же время Б. Н. Миронов пишет, что в связи с ростом цен расходы на алкоголь за полвека увеличились.

«По моим расчетам…, с 1863 по 1906–1910 гг. общее душевое потребление алкоголя в 50 губерниях Европейской России уменьшилось на 16 %, но душевые расходы на него увеличились в 2,6 раза вследствие роста цен, составив значительную цифру — 5,3 руб. в год, что в 1,8 раза превышало годовую величину всех налогов и повинностей на душу населения. Если бы деревня голодала, она не могла бы тратить на алкоголь столь значительные и все возраставшие средства. Это было возможно только в случае повышения благосостояния»[38].

С этим мнением можно было бы согласиться, если бы автор доказал, что рост цен на водку опережал обесценивание денег[39]. Однако мои аргументы на этот счет Б. Н. Миронов оставил без возражений[40]. Поэтому говорить о том, что мы имеем дело не только с расширением пьянства, но и ростом расходов на водку, только на основании данных, приведенных Б. Н. Мироновым, нет никаких оснований.

Объясняя происхождение приведенной им цифры (увеличение расходов на водку в 2,6 раза), Б. Н. Миронов отсылает читателей к данным таблицы XI.3 своей книги[41], согласно которым, в 1851–1860 гг. ведро водки стоило 3,0 руб., в 1863 г. — 2,72 руб., а в 1906–1910 гг. — 8,22 руб.[42], что дает увеличение в 2,7 раза по сравнению с 1851–1860 гг. и в 3,0 раза по сравнению с 1863 г. Если же использовать эти показатели для определения душевого расхода на алкоголь, мы получим в 1850–1860 гг. — 2,64 руб., в 1863 г. — 2,20 руб., а в 1906–1910 гг. — 5,75 руб.[43], что дает рост душевых доходов первом случае в 2,2 раза, во втором — 2,6 раза.

Насколько же нарисованная Б. Н. Мироновым динамика цен соответствует действительности?

Первое, на что сразу следует обратить внимание, приводимые им цифры, по его же словам, характеризуют оптовые цены на водку[44], под которыми до революции понимались цены на такие продажи, когда счет шел на ведра. Между тем население имело дело не с оптовыми, а с розничными ценами. Уже одного этого достаточно, чтобы поставить нарисованную Б. Н. Мироновым картину движения цен под сомнение.

Но дело не только в этом.

Для 1851–1860 гг. Б. Н. Миронов называет в качестве источника «Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России» (СПб., 1865. Т. 3. С. 346, 473), для 1869–1912 гг. — «Ежегодник Министерства финансов на 1869–1912 г. (Т. 1–41. СПб., 1869–1912)[45].

Однако на странице 346 «Обзора» сведений о ценах нет, а на странице 473 приведены цены только по 18 губерниям и только на август-октябрь 1863 г. (оптовая цена ведра водки — 2,72 руб., розничная — 3,34 руб.). Что же касается цен 1851–1860 гг., то их в «Обзоре» нет вообще. Имеются лишь цифры на 1859 г.: заготовительная цена, то есть цена, по которой казна приобретала водку от производителей, составляла 71,5 коп. за ведро, откупная цена, по которой с учетом акциза приобретали ее у казны откупщики — 4,36 руб., продажная цена, по которой водка доходила до потребителя — 6,00 руб.[46] Это означает, что Б. Н. Миронов занизил оптовую цену на водку накануне отмены откупной системы примерно на треть.

Каким образом Б. Н. Мироновым получены цены за 1869–1910 гг. — непонятно, так в «Ежегоднике Министерства финансов» сведения о ценах на спиртные напитки публиковались нерегулярно. Исходя из приводимых им данных, можно подумать, что за 1866-1880 гг. в его распоряжении имелись ежегодные данные. Однако обращение к «Ежегоднику Министерства финансов» показывает, что на его страницах были опубликованы оптовые цены на вино только на 1867, 1873, 1874, 1875, 1877, 1879, 1880 гг. (по каждой губернии и за каждый месяц отдельно для оптовых складов и винных заведений)[47].

После того как в 1895 г. началось введение винной монополии, оптовая цена сохранилась только при закупке спиртных напитков торговцами у производителей вина и с казенных складов. Покупателям же с этого момента спиртные напитки стали продавать только в розницу по ценам, устанавливаемым государством[48]. Эти цены с конца 1890-х гг. можно определить на основании данных «Ежегодника министерства финансов». Но тогда получается, что, реконструируя динамику цен на водку за полвека, Б. Н. Миронов использовал несопоставимые данные: на 1863 г., 1866–1880 гг. — оптовые цены, на 1895–1910 гг. розничные.

Если же взять сопоставимые данные, мы получим несколько иную картину: с 1863 г. по 1906–1910 гг. розничная цена на водку увеличилась с 3,34 руб. за ведро до 8,25 руб., то есть на 4,11 руб., или в 2,5 раза. В 1863–1865 гг. душевое потребление составляло 3,34 руб., в 1906–1910 гг. 4,79 руб. Следовательно, расход на водку вырос на 1,45 руб.. или же на 45 %. Даже если взять называемый Б. Н. Мироновым общий ценовой индекс (160 %), получается, что расход на водку за указанные годы не увеличился, а сократился (до 91 % к уровню 1863 г.).

В действительности, только с 1896 по 1913 г. общий ценовой индекс увеличился на 153 %[49]. В то же время имеются данные, что за вторую половину XIX в. русский рубль обесценился на Лондонской бирже почти в два раза[50].

Оба эти факта Б. Н. Миронов оставил без опровержения[51]. Поэтому, продолжая настаивать на безупречности приведенных им цифр и сделанного на их основе вывода («доходы и, значит, уровень жизни крестьян возросли»[52]), он сознательно настаивает на допущенных им ошибках. Но тогда это уже не ошибки, это уже фальсификация.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют, что в пореформенную эпоху имело место не только сокращение пьянства как «народного бедствия», но и снижение расходов на спиртные напитки в бюджете населения. В связи с этим заслуживает внимания еще одна проблема.

В построениях М. А. Давыдова особое место отводится книге бывшего министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова «Наши неурожаи и продовольственный вопрос». Рассматривая положение дел в 12 губерниях Европейской России (Казанская, Нижегородская, Оренбургская, Орловская, Пензенская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Уфимская), которые были охвачены в 1906 г. неурожаем, А. С. Ермолов обратил внимание на то, что в 1906 и 1907 г. питейный доход в этих губерниях, несмотря на неурожай, не сократился, а увеличился.

Более того, «в кампанию 1906–1907 гг., — писал бывший министр, — было израсходовано на ссудную помощь населению в тех 12 губерниях, о которых идет здесь речь, 128 329 тыс. руб. Пропито же в них за 12 месяцев (с 1 мая 1906 г. по 30 апреля 1907 г.) вина на сумму 130 505 тыс. руб., то есть на 2176 тыс. руб. больше той суммы, которую население в этих губерниях получило за предохранение его от голода и на осеменение полей»[53].

Приводя эти наблюдения А. С. Ермолова, М. А. Давыдов ставит на этом точку и ненавязчиво подводит читателя к мысли: или бедственное положение крестьян названных губерний в 1906-1907 гг. было фикцией, или же голодающее население пропивало предназначенную для продовольственного обеспечения денежную помощь.

В отличие от него Б. Н. Миронов прямо трактует это наблюдение именно так: «Крестьяне, — пишет он, — расходовали огромные деньги на водку даже в голодные годы: жители лишь 12 из 90 губерний России всего за два неурожайных года, 1905–1906 гг., выпили водки на сумму, превышающую стоимость почти всех кораблей Балтийского и Тихоокеанского флотов империи, вместе взятых, а также вооружений, уничтоженных и захваченных японцами в Порт-Артуре, при Цусиме, Ляояне, Мукдене и в местах других сражений»[54].

Создается впечатление, будто бы крестьянское пьянство наносило ущерб обороноспособности России. Однако, делая такое сопоставление, Б. Н. Миронов вслед за М. А. Давыдовым[55] упускает из вида, что все российские корабли в значительной степени были построены как раз за счет выпитой крестьянами водки, игравшей роль одного из инструментов неэквивалентной перекачки средств из деревни в город.

Между тем, обращая внимание на сотни миллионов пропитых даже в голодные годы рублей, бывший царский министр видел в этом не факт наличия у крестьян «лишних денег»,

а проявление социальной неоднородности российского общества: если одни страдали «от полной нищеты и даже голода» и поэтому действительно нуждались в продовольственной помощи, то другие имели лишние деньги, которые могли накапливать в банках или пропивать[56]. Иначе говоря, помощь получала одна часть населения, а пропивала деньги другая.

Здесь мы подходим к следующей принципиально важной проблеме. Когда М. А. Давыдов и Б. Н. Миноров используют общие данные о питейном доходе для характеристики благосостояния дореволюционной деревни, невольно возникает вопрос: неужели в России того времени водку пили только крестьяне?

Что думает на этот счет М. А. Давыдов, мы не знаем. Но Б. Н. Миронову хорошо известно, что водку пили и другие. Более того, в своей книге он делает сенсационное утверждение: «...Питейный доход с сельского населения в 1901 г. дал в государственный бюджет 143,9 млн руб. из 476,3 млн руб. общего питейного дохода этого года, т. е. 30,3 %; в 1912 г. — соответственно 256,3 млн руб. из 953 млн руб., т. е. 26,9 %»[57]. Это означает, что в 1901 г. 70 %, а в 1912 г. 73 % питейного дохода приходилось на город. Получается, что горожане в расчете на душу населения пили в 10–15 раз больше, чем уездные жители. Картина потрясающая. Однако если присмотреться к приведенным цифрам более внимательно, она разрушится как карточный домик.

Заимствуя приведенные данные из вторых рук, Б. Н. Миронов упустил из вида две мелочи: во-первых, использованные им показатели общего питейного дохода относятся ко всей Российской империи[58], а показатели этого дохода, приходящегося на сельское население, — только к Европейской России[59]; во-вторых, данные о расходе на водку для сельского населения впервые были введены А. Л. Вайнштейном, который специально отмечал, что в них внесена 20 % поправка на сельское несельскохозяйственное население[60].

Если же мы обратимся к «Статистике по казенной продаже питей», то получим следующую картину. В 1912 г. было продано 77,0 млн ведер алкогольных напитков в переводе на водку, из них 26,6 млн в городе и 50,4 млн в уездах или сельской местности. А поскольку соотношение городского и сельского населения Европейской России составляло соответственно 16,2 и 106,4 млн человек, получается, что потребление водки в городах достигало 1,64, в уездах — 0,47 ведра на душу населения.

Это свидетельствует, что деревня в расчете на душу населения потребляла спиртных напитков в три с половиной раза меньше, чем город.

Правда, еще до революции было обращено внимание на два факта: а) потребление водки в городах приезжающими крестьянами и б) тайную торговлю водкой в деревнях[61]. Однако до сих пор не приведено убедительных аргументов в пользу того, что учет этих факторов способен внести в официальные данные принципиальные коррективы. Но это еще не все.

В состав сельского населения входило несельскохозяйственное население: рабочие, кустари, администрация, духовенство и т. д. В 1897 г. численность сельского несельско-

хозяйственного населения была примерно такой же, как численность городского населения[62]. На 1912 г. А. А. Вайнштейн определял долю сельского несельскохозяйственного населения Европейской России в 20 %[63]. По моим расчетам, в 1912 г. городское население составляло 16,2 млн, сельское несельскохозяйственное — 24,8 млн, сельское сельскохозяйственное — 81,6 млн[64].

А. А. Вайнштейн брал потребление спиртных напитков для всех категорий сельского населения одинаковым[65]. Однако это не соответствует действительности.

Приводя слова А. Фета о том, что «пьянство нисколько не составляет отличительную черту нашего крестьянства», Б. Н. Миронов цитирует его дальше: «Сравнительное большинство беспросыпных пьяниц — заштатные чиновники, писаря и бывшие дворовые»[66].

Считая необходимым подразделять в этом отношении сельское население на несколько групп, один из современников писал: «Одну (группу. — *А. О.*) составляют волостные писаря, старшины, полицейский чины – которые пьют непрерывно круглый год…, другую крестьяне — земледельцы, пьющие в исключительных случаях, на праздниках, общих и храмовых, при сдаче сенокосов, земли, найме пастухов, при семейных торжествах, на свадьбах, крестинах, похоронах…, третью категорию составляет меньшинство, разные бездомные люди, ютящиеся около деревни, люди из уже ясно образующегося класса батраков, работающих у землевладельцев, приезжающие в деревню временно на побывку из городов — ремесленники, мелкие торгаши, домовая прислуга. Эта категория пьет все время, пока у нее есть деньги… К этой категории примыкают безземельные крестьяне, безлошадные, то крестьянство, которое неудержимо идет в своем разорении»[67].

В 1916 г. Д. Н. Воронин опубликовал данные выборочных обследований по семи губерниям: Екатеринославской, Костромской, Московской, Нижегородской, Пензенской, Полтавской и Харьковской губерниям. 68 % обследованных были крестьяне, 12 % деревенские мастеровые, 8 % чернорабочие и 12 % — писари, учителя, духовенство, торговцы пр. 5 % опрошенных указали, что они «совсем не потребляют вина», 5,1 % — «почти совсем», 51,1 % — «потребляют только по обычаю: на праздниках, свадьбах, при приеме гостей, при имущественных сделках и пр.», «почти постоянно, когда имеются деньги» — 12,8 %, «потребляют регулярно (ежедневно по 1/100–1/40 ведра) (100–300 г, в среднем 200 г.) и напиваются редко» — 4,6 %, «почти ежедневно допьяна (по 1/40 – 3/20 ведра) (300–600 г, в среднем 450 г. — *А. О.*) — 21,4 %»[68].

Исходя из этого, можно считать, что крестьяне пили гораздо реже и гораздо меньше, чем другие категории сельского населения. Если допустить, что сельское несельскохозяйственное население пило в расчете на одного человека только в два раза больше, чем сельскохозяйственное, мы получим следующую картину: на несельскохозяйственное население приходилось 18,4 млн ведер водки, на сельскохозяйственное — 32,0. Следовательно, крестьянство потребляло только 32 из 77 млн ведер спиртных напитков, а остальные 45 млн

ведер потребляли горожане и уездное несельскохозяйственное население, соответственно 42 и 58 %. В таком случае несельскохозяйственное население потребляло около 1,1 ведра (13,5 л) в год на душу населения, сельскохозяйственное — 0,4 ведра, или 4,9 л.

В заключение следует отметить, что крестьянство тоже было неоднородным, и это тоже находило свое отражение в потреблении алкогольных напитков. «При прочих равных условиях, — писал один из исследователей этой проблемы В. К. Дмитриев, — потребление алкоголя растет параллельно возрастанию покупательной способности населения»[69]. Это можно продемонстрировать на материалах бюджетных обследований. Так, в Вологодском уезде потребление спиртных напитков составляло у крестьян, имевших до 3 дес. посева — до 10 руб., 3–6 дес. — примерно 20 руб., более 6 дес. — не менее 40 руб.[70]

Как же потребление водки отражалось на крестьянском хозяйстве?

Говоря о массовом пьянство в дореволюционной российской деревне, М. А. Давыдов приводит два показательных, по его мнению, примера из книги П. П. Дюшена «Русская интеллигенция и крестьянство. Критический анализ трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» (М., 1904), которого он представляет читателям как «видного дореволюционного экономиста»[71], «известного экономиста»[72].

Самый яркий из этих фактов — «бюджет Велейской волости Опочецкого уезда» Псковской губернии: доход от земледелия — 373,4 тыс. руб., повинности — 36,0 тыс., продовольствие людей, содержание скота и «все прочие “жизненные” потребности» — 40,2 тыс., водка — 402,3 тыс., дефицит волости 63,8 тыс.[73] Цифры сенсационные.

С одной стороны, получается, что расход на водку почти в десять раз превосходил расход на питание, содержание скота и «прочие «жизненные» потребности. Неужели велейские крестьяне пили, не закусывая? С другой стороны, оказывается, что в год они пропивали больше, чем зарабатывали. Откуда же они брали нехватавшие им деньги и на водку, и на питание, и на содержание скота, и на уплату налогов и на другие расходы? Неужели воровали?

«Эпизод, — констатирует М. А. Давыдов, — как можно видеть, абсурдный и курьезный одновременно»[74]. Трудно не согласиться с этим.

Что же должен делать исследователь, сталкивающийся с подобным «абсурдом» или «курьезом»? Прежде всего заглянуть в источник. А поскольку М. А. Давыдов проявил излишнюю доверчивость к «известному экономисту», сделаем это сами и обратимся к трудам Псковского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Знакомство с этим изданием показывает, что бюджет Велейской волости выглядел гораздо более обыденно, чем явствует из книги П. П. Дюшена. Во-первых, оказывается, что наряду с доходами от земледелия (373,5 тыс. руб.) крестьяне этой волости имели еще 47,5 тыс. руб. от посторонних заработков, поэтому приход составлял — 421 тыс. руб. Во-вторых, иначе выглядели и расходы: так, расходы на питание, содержание скота и «другие жизненные потребности» составляли 362,1 тыс. руб. В-третьих, расход на водку был опре-

делен расчетным путем в размере 40,2, а не 402 тыс. руб., что составляло 9,5 % от всех доходов. В-четвертых, дефицит бюджета был равен примерно 17 тыс. руб., что совпадает с размером недоимок, числящихся за волостью[75].

Подобным же образом обстоит дело и с другим фактом, извлеченным П. П. Дюшеном из трудов Подольского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Согласно приводимым «известным экономистом» данным, получается, что в Винницком уезде названной губернии крестьяне получали доход от земли в размере 70 руб. на двор, от заработков 130 руб., платили налогов на 10 руб., а пропивали 25 руб., в 2,5 раза больше, 12,5 % всех своих доходов, каждый восьмой рубль[76].

Первый вопрос, который возникает при обращении к этим данным: что же за крестьяне жили в Винницком уезде, если их доходы от промыслов в два раза превышали доходы от сельского хозяйства? Это уже не крестьяне, а рабочие с наделом. Такой пролетаризации не было даже в промышленных губерниях.

И действительно, если мы обратимся к материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г., то окажется, что Винницком уезде из 217,8 тыс. чел. сельского населения только 5,1 тыс. человек жили за счет несельскохозяйственных заработков[77].

Знакомство с материалам Подольского губернского комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности, показывает, что П. П. Дюшен опирался на доклад председателя этого комитета графа Д. Ф. Гейдена, который явно занизил доходы крестьян, ограничив их только надельным землевладением крестьян[78] и оставив за пределами своих расчетов животноводство, огородничество и садоводство, домашнюю промышленность и т. д.

Удивляет в докладе Д. Ф. Гейдена и другое. Согласно «Статистике продажи казенных питей», потребление спиртных напитков в Волынской губернии было значительно ниже среднего уровня. Это же касается и Винницкого уезда.

В 1901 г. среднее потребление спиртных напитков в Винницком уезде составляло 3,05 руб., 5,86 — в городе и 2,65 в деревне[79], что дает не 25, а 15 руб. на двор и не 12,5 %, а максимум 7,5 % доходов крестьянина. Если же учесть, что Д. Ф. Гейден занизил доходы крестьянского хозяйства, этот показатель будет еще меньше.

Подобный же характер имеют и данные, приводимые на этот счет Б. Н. Мироновым. Утверждая, что расход крестьян на водку достиг к началу XX в. «5,3 руб. в год» на человека, он пишет, это «в 1,8 раза превышало годовую величину всех налогов и повинностей на душу населения»[80].

Весь питейный доход в 1912 г. составлял 874 млн руб. Если исходить из того, что на крестьян приходилось 42 % потребления спиртных напитков, мы получим 367 млн руб. Это 4,45 руб. на душу населения и 26,7 на двор.

Между тем, как было показано при обсуждении книги Б. Н. Миронова, «все налоги и повинности крестьян» он свел только к прямым государственным налогам и по этой

причине существенно занизил их[81]. По расчетам А. М. Анфимова и А. Л. Вайнштейна, в 1912 г. платежи крестьян (прямые и косвенные) составляли 10 руб. на душу населения[82].

Это означает, что расход на водку не превышал крестьянские платежи в 1,8 раза, а составлял около 45 % от нее.

Средний доход крестьянской семьи в год Б.Н. Миронов определяет в 432 руб.[83] И хотя эта цифра представляется заниженной, 26,7 руб. от нее — это 6,2 %. Сумма тоже заметная, однако недостаточная ни для того, чтобы в этом видеть главный источник разорения крестьян, ни для того, чтобы рассматривать ее как показатель относительного благополучия.

Итак,

а) потребление водки в дореволюционной России не выходило за рамки допустимых норм;

б) по уровню потребления алкоголя Россия далеко отставала от передовых стан Запада;

в) потребление водки в России на душу населения после отмены крепостного права снижалось, причем и в количественном, и в стоимостном отношении;

г) большую часть водки потреблял город, меньшую часть деревня;

д) по душевому потреблению водки деревня в два-три раза уступала городу;

е) хотя расходы на водку отнимали у крестьянской семьи необходимые ей средства, доля этих расходов была относительно невелика, поэтому утверждения и насчет того, что пьянство являлось чуть ли не главной причиной разорения деревни, и насчет того, что потребление алкоголя — показатель наличия в деревне «лишних денег», а значит, показатель относительного благополучия, не имеют под собой основания.

Более того, если вслед за М. А. Давыдовым и Б. Н. Мироновым рассматривать динамику потребления водки как косвенное отражение благосостояния населения, тогда следует признать, что после отмены крепостного права оно не возрастало, а снижалось.

---

[1] Клиодинамика — причины русской революции: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=category&sectionid=12&id=23&Itemid=76. (дата обращения. 12.02.2013).

[2] *Давыдов М. А.* 1) К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX – начале XX в. // Российская история. 2009. №. 2 С. 170; 2) Уровень потребления в дореволюционной России // Причины революции в России. М., 2010. С. 253.

[3] *Блудоров Н. П.* Полный систематический указатель книг, брошюр, листков, а также световых картин и других наглядных пособий по алкоголизму (1896–1912). СПб., 1912.

[4] *Преображенский Я. Я.* 1) Пьянство как народное бедствие и борьба с ним. СПб., 1902; 2) Великое зло нашей Родины. Тверь, 1913; *Кононович Ю. Н.* Наш гибнущий народ. М., 1914; *Кузнецов Н.* 1) Всероссийское пьянство. СПб., 1914; 2) Пьянство народное — гибель России. [Б. м.], 1914.

[5] *Быкова А. Г.* Алкоголизм и пьянство в России в XIX–XX в.: из истории проблемы. Омск, 2006.

[6] *Николаев А. В.* 1) Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894–1932 гг.: опыт отечественной истории: Автореф. дисс. …к. и. н. Самара, 2002; 2) Русское пьянство: от традиции к политике. Тольятти, 2007; *Мельничук О. А.* Борьба полиции с пьянством и алкоголизмом в дореволюционной России: Автореф. дисс. … к. юрид. н. М., 2003.

[7] *Юрьевский Б.* Возрождение деревни. Пг., 1914. С. 89.

[8] *Несмелов Ф. Я.* Косвенные налоги. СПб., 1904. С. 163.

[9] Материалы для изучения пьянства в Черниговской губернии. Чернигов, 1892. С. 8.

[10] *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 2. СПб., 1999. С. 306.

[11] Там же. С. 308.

[12] Там же. С. 307.

[13] *Островский А. В.* О модернизации России в книге Б. Н. Миронова // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 135–136.

[14] Там же; *Миронов Б. Н.* Социальная история России… Т. 2. С. 363–364.

[15] *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропометрии // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 127.

[16] *Островский А. В.* К итогам спора об уровне жизни в дореволюционной России // Там же. 2011. № 6. С. 141.

[17] *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропометрии. С. 127.

[18] Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. II. Вологодский уезд. Вып. I. Таблицы. Крестьянское хозяйство. Вологда, 1907. С. 748–832 (крестьянские бюджеты).

[19] *Черневский В. А.* К вопросу о пьянстве в Владимирской губернии. Владимир, 1911.

[20] Там же. С. 15.

[21] Там же.

[22] Стенографический отчет Государственной думы. III созыв. Т. 3. Ч. 4. Заседание 98-е. 30 апреля 1910. СПб., 1910. С. 255.

[23] *Норов В.* Казенная винная монополия при свете статистик. Ч. 1. СПб., 1904. С. 16.

[24] *Тизенгаузен Н.* Повальное пьянство и меры против него // Вестник Европы. 1873. Январь. С. 393.

[25] *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 451.

[26] Там же. С. 556.

[27] *Анфимов А. М.* Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 494.

[28] *Дмитриев В. К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России. СПб., 1911. С. 283.

[29] Статистика по казенной продаже питей. 1912 г. СПб., 1914. Ч. 1. С. 49; Ч. 2. С. 81.

[30] *Давыдов М. А.* Уровень потребления в дореволюционной России // Причины революции в России. М., 2010. С. 259.

[31] *Дроздова А. А.* О мерах борьбы с алкоголизмом // Труда Первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством С. 986–993.

[32] Настоящее положение питейно-акцизного дела в России. СПб., 1884. С. 54–55.

[33] Статистика по казенной продаже питей. 1913 г. Пг., 1915. С. 70–81.

[34] *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в императорской России. С. 644.

[35] Там же. С. 451.

[36] Там же. С. 556.

[37] Там же.

[38] Там же. С. 644.

[39] *Островский А. В.* О модернизации в книге Б. Н. Миронова. С. 136.

[40] *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропометрии. С. 128.

[41] *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в императорской России. С. 644.

[42] Там же. С. 556.

[43] Там же.

[44] Там же.

[45] Там же.

[46] Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности в России. Т. III. СПб., 1865. С. 353.

[47] Ежегодник Министерства финансов. Вып. I. СПб., 1869. Отд. III. С. 106–111; Вып. V. СПб., 1874. С. 430–431; Вып.VI. СПб., 1875. С. 360–367; Вып. VII. СПб., 1876. С. 398–403; Вып. IX. СПб., 1878. С. 558–563; Вып. XI. СПб., 1881. С. 406–411; Вып. XII. СПб., 1882. С. 459–467.

[48] См., например: Соколов С. И. Казенная продажа питей. Законодательные и правительственные распоряжения по казенной продаже питей. 3-е изд. СПб., 1898. С. 48; Там же. Приложение. С. 203–204.

[49] *Бобров С. П.* Индексы Госплана. М., 1925. С. 91.

[50] *Кашкаров М. П.* Денежное обращение. Т.1. СПб., 1898. С. 166–167.

[51] *Миронов Б. Н.* Страсти по исторической антропометрии. С.128.

[52] Там же.

[53] *Ермолов А. С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Т. 1. СПб., 1909. С. 421–423.

[54] *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в императорской России. М., 2010. С. 643.

[55] *Давыдов М. А.* Уровень потребления в дореволюционной России. С. 255.

[56] *Ермолов А. С.* Наши неурожаи и продовольственный вопрос. Т. 1. С. 417, 424–425.

[57] *Миронов Б. Н.* Благосостояние население и революции в имперской России. С. 324.

[58] Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1901 г. СПб., 1902; Статистический ежегодник России. 1915 г,. Пг., 1916. Отд. XII. С. 6–9 (1913 г.).

[59] *Анфимов А. М.* Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Минск, 1964. С. 494; Вайнштейн А. Л. Обложения и платежи крестьянства в довоенной России и после революции. М., 1924. С. 47.

[60] Там же. С. 19.

[61] *Воронов Д. Н.* Алкоголизм в городе и в деревне в связи с бытом населения. Обследование потребления вина в Пензенской губернии в 1910 г. Пенза, 1913.

[62] *Островский А. В.* Сельскохозяйственное население Европейской России в конце XIX – начале XX в. // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. Таллин, 24–28 сентября 1989 г. М., 1984. С. 113–116.

[63] *Вайнштейн А. Л.* Обложения и платежи крестьянства в довоенной России и после революции. М., 1924. С. 19.

[64] *Островский А. В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX–начале XX в. СПб., 2013. С. 59.

[65] *Вайнштейн А. Л.* Обложения и платежи крестьянства в довоенной России и после революции. С. 19.

[66] *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в императорской России. С. 557.

[67] Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. Т. II. С. 892.

[68] *Воронин Д. Н.* Жизнь деревни в дни трезвости (по данным земских и других анкет). Пг., 1916. С. 8–9.

[69] *Дмитриев В. К.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 1911. С. 5.

[70] Материалы для оценки земель Вологодской губернии. Т. II. Вологодский уезд. Вып. I. Таблицы. Крестьянское хозяйство. Вологда, 1907. С. 748–832 (крестьянские бюджеты).

[71] *Давыдов М. А.* Уровень потребления в дореволюционной России. С. 253.

[72] *Давыдов М. А.* К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX – начале XX в. // Российская история. 2009. №. С. 171.

[73] Там же; *Давыдов М. А.* Уровень потребления в дореволюционной России. С. 253–254.

[74] Там же. С. 254.

[75] Ответ крестьянина А. Ф. Лошенкова на вопрос «податная тягость и причины несвоевременности взносов» // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXIII. СПб., 1903. С. 209–211.

[76] Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXI. СПб., 1903. С. 351–373.

[77] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXXII. Подольская губерния. СПб., 1904. С. 1, 254;

[78] В 1887 г. надельные земли составляли 120 тыс. дес., а в аренду сдавалось почти 48 млн дес. (Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. Вып. XXXII. Подольская губерния. СПб., 1897.)

[79] Статистика по казенной продаже питей. 1901 г. СПб.,1903. Отд. 2. С. 145.

[80] *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в императорской России. С. 644.

[81] *Островский А. В.* О модернизации России в книге Б. Н. Миронова. С. 133–134.

[82] *Анфимов А. М.* Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. С. 502. См. также: *Вайнштейн А. Л.* Обложения и платежи крестьянства в довоенной России и после революции. М., 1924. С. 47.

[83] *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 325.

Ostrovsky A. V. “The drunken countryside”: conjectures and facts

ABSTRACT: The author analyzes the phenomenon of drinking in prerevolutionary Russia in late XIX – early XX century. Using a large of landscape of sources and literature, adducing a numerous statistics, he reconstructs a detail picture of the life of the Russian Peasantry turn of the century. Disagreeing with other researches, the author judges to the independent conclusions, anew discovered the problem of “drunken country”.

KEYWORDS: Social history, inebriety, Russian peasantry, Russia in late XIX – early XX century.

AUTHOR: Ph. D. in History, Professor, St. Petersburg State Telecommunications University (Saint-Petersburg); a.ostrovskij@yandex.ru

REFERENCES:

[1] http://cliodynamics.ru/index.php?option=com_content&task=category&sectionid=12&id=23&Itemid=76 .

[2] *Davydov M. A.* K voprosu o potreblenii naseleniia v Rossii v kontce XIX – nachale XX v. // Rossiiskaia istoriia. 2009. N 2.

[3] *Davydov M. A.* Uroven potrebleniia v dorevoliutcionnoi Rossii // Prichiny revoliutcii v Rossii. Moscow, 2010.

[4] *Bludov N. P.* Polnyi sistematicheskii ukazatel knig, broshiur, listkov, a takzhe svetovykh kartin i drugikh nagliadnykh posobii po alkogolizmu (1896–1912). St.Petersburg, 1912.

[5] *Preobrazhenskii Ia. Ia.* Pianstvo kak narodnoe bedstvie i borba s nim. St.Petersburg, 1902.

[6] *Preobrazhenskii Ia. Ia*. Velikoe zlo nashei Rodiny.

[7] *Kononovich Iu. N.* Nash gibnushchii narod. Moscow, 1914.

[8] *Kuznetcov N.* Vserossiiskoe pianstvo. St.Petersburg, 1914.

[9] *Kuznetcov N.* Pianstvo narodnoe — gibel Rossii. 1914.

[10] *Bykova A. G.* Alkogolizm i pianstvo v Rossii v XIX–XX v.: iz istorii problemy. Omsk, 2006.

[11] *Nikolaev A. V.* Borba s pianstvom i alkogolizmom v 1894–1932 gg.: opyt otechestvennoi istorii: Avtoref. diss. …k. i. n. Samara, 2002.

[12] *Nikolaev A. V.* Russkoe pianstvo: ot traditcii k politike. Toliatti, 2007.

[13] *Melnichuk O. A.* Borba politcii s pianstvom i alkogolizmom v dorevoliutcionnoi Rossii: Avtoref. diss. … k. iurid. n. Moscow, 2003.

[14] *Iurevskii B.* Vozrozhdenie derevni. Petrograd, 1914.

[15] *Nesmelov F. Ia.* Kosvennye nalogi. St.Petersburg, 1904.

[16] Materialy dlia izucheniia pianstva v Chernigovskoi gubernii. Chernigov, 1892.

[17] *Mironov B. N.* Sotcialnaia istoriia Rossii. St.Petersburg, 1999.

[18] *Ostrovskii A. V.* O modernizatcii Rossii v knige B. N. Mironova // Voprosy istorii. 2010. N 10.

[19] *Mironov B. N.* Strasti po istoricheskoi antropometrii // Voprosy istorii. 2011. N 4.

[20] *Ostrovskii A. V.* K itogam spora ob urovne zhizni v dorevoliutcionnoi Rossii // Voprosy istorii.. 2011. N 6.

[21] Materialy dlia otcenki zemel Vologodskoi gubernii. T. II. Vologodskii uezd. Vyp. I. Tablitcy. Krestianskoe khoziaistvo. Vologda, 1907.

[22] *Chernevskii V. A.* K voprosu o pianstve v Vladimirskoi gubernii. Vladimir, 1911.

[23] Stenograficheskii otchet Gosudarstvennoi dumy. III sozyv. T. 3. Ch. 4. Zasedanie 98-e. 30 aprelia 1910 . St.Petersburg, 1910.

[24] *Norov V.* Kazennaia vinnaia monopoliia pri svete statistik. Ch. 1. St.Petersburg, 1904.

[25] *Tizengauzen N.* Povalnoe pianstvo i mery protiv nego // Vestnik Evropy. 1873. January.

[26] *Anfimov A. M.* Nalogi i zemelnye platezhi krestian Evropeiskoi Rossii v nachale XX v. (1901–1912) // Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 1962 g. Minsk, 1964.

[27] *Dmitriev V. K.* Kriticheskie issledovaniia o potreblenii alkogolia v Rossii. St.Petersburg, 1911.

[28] Statistika po kazennoi prodazhe pitei. 1912 g. St.Petersburg, 1914.

[29] *Drozdova A. A.* O merakh borby s alkogolizmom // Truda Pervogo vserossiiskogo sezda po borbe s pianstvom.

[30] Nastoiashchee polozhenie piteino-aktciznogo dela v Rossii. St.Petersburg, 1884.

[31] Statistika po kazennoi prodazhe pitei. 1913 g. Petrograd, 1915.

[32] Obzor razlichnykh otraslei manufakturnoi promyshlennosti v Rossii. T. III. St.Petersburg, 1865.

[33] Ezhegodnik Ministerstva finansov. St.Petersburg. Vyp. I. 1869; Vyp. V. 1874; Vyp.VI. 1875; Vyp. VII. 1876; Vyp. IX. 1878; Vyp. XI. 1881; Vyp. XII. 1882.

[34] *Sokolov S. I.* Kazennaia prodazha pitei. Zakonodatelnye i pravitelstvennye rasporiazheniia po kazennoi prodazhe pitei. 3-e izd. St.Petersburg.

[35] *Bobrov S. P.* Indeksy Gosplana. Moscow, 1925.

[36] *Kashkarov M. P.* Denezhnoe obrashchenie. T.1. St.Petersburg, 1898.

[37] *Ermolov A. S.* Nashi neurozhai i prodovolstvennyi vopros. T. 1. St.Petersburg, 1909.

[38] *Mironov B. N.* Blagosostoianie naseleniia i revoliutcii v imperatorskoi Rossii. Moscow, 2010.

[39] Statisticheskii ezhegodnik Rossii. 1915 g. Petrograd, 1916.

[40] *Vainshtein A. L.* Oblozheniia i platezhi krestianstva v dovoennoi Rossii i posle revoliutcii. Moscow, 1924.

[41] *Voronov D. N.* Alkogolizm v gorode i v derevne v sviazi s bytom naseleniia. Obsledovanie potrebleniia vina v Penzenskoi gubernii v 1910 g. Penza, 1913.

[42] *Ostrovskii A. V.* Selskokhoziaistvennoe naselenie Evropeiskoi Rossii v kontce XIX – nachale XX v. // Sotcialno-demograficheskie aspekty razvitiia proizvoditelnykh sil derevni. KHKH sessiia Vsesoiuznogo simpoziuma po izucheniiu problem agrarnoi istorii. Tezisy dokladov i soobshchenii. Tallin, 24–28 sentiabria 1989 g. Moscow, 1984.

[43] *Ostrovskii A. V.* Universalnyi spravochnik po istorii Rossii. SPb., 2000.

[44] *Voronov D. N.* Zhizn derevni v dni trezvosti (po dannym zemskikh i drugikh anket). Petrograd, 1916.

[45] *Dmitriev V. K.* Kriticheskie issledovaniia o potreblenii alkogolia v Rossii. Moscow, 1911.

[46] Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh selskokhoziaistvennoi promyshlennosti. T. XXXIII. St.Petersburg, 1903.

[47] Pervaia vseobshchaia perepis naseleniia Rossiiskoi imperii 1897 g. T. XXXII. Podolskaia guberniia. St.Petersburg, 1904.

[48] Glavneishie dannye pozemelnoi statistiki po obsledovaniiu 1887 g. Vyp. XXXII. Podolskaia guberniia. St.Petersburg, 1897.

[49] Statistika po kazennoi prodazhe pitei. 1901 g. St.Peterrsburg,1903.